

1 мая 2004 года. Суббота.

Ровно один год остался на таймере смерти.

Асо Акия все еще не мог видеть ни единого проклятого духа.

Мучения, причиненные тем отложенным письмом, взметнулись волной, разбились и теперь сползли обратно по склону его нервов, оставив лишь тупой, заставляющий сердце трепетать страх.

Люди — существа с пугающей адаптивностью. Никто не может вечно оставаться натянутым до предела. Асо Акия рассудил, что его негативные эмоции будут продолжать накапливаться, медленно и ядовито, подобно тому, как молодой неизлечимо больной пациент ждет аппарата искусственной вентиляции легких.

Он почти нежно смаковал кризис, который преподнес ему этот мир дзюдзюцу.

Каждый вдох был воздухом из нового мира.

С каждым сердцебиением свершалось чудо в чужом теле.

Каждая мысль была актом бунта против судьбы.

Неплохо.

При таких темпах само отчаяние от попыток ускользнуть от Жнеца вскоре заставило бы низкоуровневых проклятых духов учуять его, как кровь в воде. Другие дети в заведении социального обеспечения не испытывали и половины такого давления.

Продолжай. Борись упорнее.

Это все еще был период защиты новичков.

В будущем ждало куда больше битв умов.

«Мы живем вместе почти четыре месяца, — сказал однажды вечером Асо Акия, устроившись на краю своей верхней койки, свесив ноги, как ребенок. — Как ты думаешь, какой я человек?»

Трое соседей по комнате, которые когда-то отгородились от него, теперь колеблелись между страхом и обидой. Они видели залитый кровью пол ванной и наблюдали, как он хладнокровно зашивает себя, следуя инструкциям на медицинском видео. Они не хотели отвечать, но боялись

последствий молчания.

Шестнадцатилетний парень наконец выплюнул:

— Тот, кто не боится смерти.

Асо Акия понял, что это честно. Он продолжал настаивать:

— Что-нибудь еще?

Двое других пробормотали:

— Двуличный.

— Чудик, который вечно думает черт-те о чем.

Эти ярлыки ничего не значили. Он никогда никому не причинял вреда; он бы никогда не стал Томом Реддлом в детском доме. В худшем случае он был просто местным чудаком.

И все же его брови сошлись от недовольства.

Он только что осознал нечто критически важное: ему не хватало определяющей черты.

Он хотел встать рядом с Годжо Сатору и занять уголок той лучезарной трехлетней юности. Прямо сейчас его недостатки были вопиющими. В тот момент, когда Годжо бросил бы на него взгляд, его забыли бы до второго моргания. В обожествляющих технику Трех Великих Семей кто-то вроде него ничем не отличался от слуг, полирующих полы. Годжо Сатору даже не утрудил бы себя запоминанием его имени, проходя мимо.

Годжо Сатору был силен, в пятнадцать лет уже колеблясь между первым и квазиособым рангом. Среди сверстников только «покемон-мастер проклятий» Гето Сугуру мог стоять с ним плечом к плечу.

Врожденная техника Гето Сугуру, «Манипуляция проклятыми духами», появлялась раз в тысячу лет.

Врожденная техника Иэйри Сёко была неизвестна, но она, судя по всему, самостоятельно освоила Обратную Проклятую Технику; она могла исцелять себя и других, будучи универсальным медиком мира дзюдзюцу.

Против этих трех ослепительных солнц Асо Акии предстояло выковать черту, которая

вплавилась бы в память.

Первое впечатление решало все.

Он абсолютно не мог быть невидимкой.

Он поднял руку и провел пальцами по своим тонким, прямым волосам (челка, да, но ничего причудливого). Затем он коснулся мочек ушей (одинаковая толщина, никакого буддийского благословения, никаких проколов). Из его груди вырвался тихий, разочарованный цык.

— Тц.

В наши дни эстетика хорошего мальчишки вышла из моды.

Не пора ли податься в закоренелые хулиганы?

Или... Просто скопировать четырнадцатилетнего Осаму Дадзая?

Асо Акия издал тихий, самоироничный смешок. Косплеить бумажного персонажа было забавно на мгновение, но реальное подражание выглядело бы жалко. Суть Осаму Дадзая никогда не удастся поймать через внешнее сходство; если бы Годжо Сатору увидел, как он пытается это сделать, он бы, наверное, просто подумал, что парень душевнобольной.

[Дадзай был ростом всего 160 см в пятнадцать лет. Я в четырнадцать уже на 5 см выше. Будущее выглядит светлым!]

[Когда я полностью вырасту, я должен перешагнуть отметку в 180 см как минимум. Насколько именно — зависит от удачи.]

[190 см и выше... Я даже не смею мечтать.]

Он вытащил блокнот из-под подушки, уперся подбородком в конец механического карандаша и щелкнул кнопкой с резким щелчком. Грифель с силой уперся в пустую страницу и вывел единственное английское слово:

«Persona».

Ему нужна была персона, которая принадлежала бы только ему.

Та, что выжгла бы себя в памяти Годжо Сатору в тот самый миг, когда они встретятся, всколыхнула бы какую-нибудь эмоцию (абсолютно любую) и заставила бы сильнейшего мага эпохи захотеть заговорить с ним снова.

В течение многих последующих дней Асо Акия тонул в раздумьях. Он строчил и правил прямо на уроках, оставляя хаотичные каракули и наброски глаз Годжо по всем полям. Какая персона могла выдержать взгляд сокровища клана Годжо (этих пугающих Шести Глаз) дольше, чем на мимолетную секунду?

Шесть Глаз видели абсолютно все.

Даже в оригинальной манге никогда до конца не раскрывалось, что именно они способны воспринимать.

Главным препятствием для его воображения была его собственная слабость, страх перед теми глазами, трусость души, которая не доверяла сама себе.

[Я больше не могу сосредоточиться на уроках; моя голова полна безумных идей.]

[Слава богу, школьная программа японской средней школы проста.]

[А? Мое плечо чувствует себя затекшим...]

[Я ведь в последнее время не забирался в холодную воду... Верно?]

Он сохранял позу образцового ученика, но его взгляд (пустой, механический) скользнул по собственному плечу.

Казалось, к нему что-то прицепилось.

Он не мог этого увидеть.

Это ощущалось как простая усталость.

Не говоря ни слова, он снова отвернулся, подпер щеку правой рукой и вернул себе выражение усердного слушания. На перемене он остался сидеть на месте, изолированный от групп смеющихся одноклассников. Из коридора доносились звонкие девичьи голоса — судя по всему, они обсуждали нового переводного ученика.

Незаметно для него мальчики в классе начали затаивать на него обиду: смазливая внешность,

медовый язык, лучшие оценки, любимчик учителей, никогда не вступает ни в какие клики и эти бинты, которые вечно появляются на запястьях...

Асо Акия медленно вдохнул, словно мог распробовать клубящиеся вокруг него негативные эмоции. Ходили слухи, что они воняют хуже гнили.

Была лишь весна.

Каким же будет лето (сезон, который маги называли самым горячим)?

Время шло вперед.

Июль, макушка лета. Под предлогом визита к врачу Асо Акия приехал в крупную больницу Токио. Его плечо непрерывно ныло. Врач прописал миорелаксанты и лекарства для улучшения кровообращения, но ничего не помогало. Покинув аптеку, он побрел в сторону палатных корпусов. Чем ближе он подходил к толпам людей, тем сильнее становился дискомфорт.

Этаж за этажом он бродил по больнице, проходя мимо пациентов и их родственников со следами отчаяния на лицах. Горький запах сигаретного дыма просачивался из лестничных клеток, смешиваясь со зловонием разложения, куда худшим, чем в любом общественном туалете.

Асо Акия закрыл глаза.

Со всех сторон возникало ощущение невидимых глаз, следящих за ним.

Он задержался еще на мгновение. Пот пропитал его рубашку. Вернулась старая аритмия; слабое беспокойство зашевелилось под ребрами. Притворившись беспечным, он подошел к торговому автомату и купил банку колы.

Синдзюку, Токио (оживленный, ослепительный и, на языке магов, «котел проклятий»).

Он провел там весь день, отмечая галочками каждую известную локацию на своей карте. Прямо у входа в Кабуки-тё Ибан-гай он даже сделал селфи со знаком мира на свой раскладной телефон.

Он наслаждался жизнью по полной.

Особенно когда опустилась ночь, и яркие огни магазинов окрасили улицы в смертные, земные цвета.

Стоя в самом сердце Синдзюку, Асо Акия позволил улыбке сползти с лица, пока не осталось ничего, кроме холодного равнодушия. Белые бинты за прошедшие месяцы умножились. Шея, запястья, плечи (все было укутано в безупречную ткань).

Его тонкая, хрупкая фигура казалась разрывающей сердце уязвимостью.

«Помни, — прошептал он себе. — Помни каждую последнюю вещь, которая когда-либо причиняла тебе боль».

Подавленные эмоции бурлили и кипели. Дыхание черноволосого мальчика стало тяжелым. Злопамятность сочилась в его глазах капля за каплей. Он убийственным взглядом уставился на собственное плечо (один последний шаг до пробуждения).

Этот последний шаг (как его преодолел Ёсино Джунпей, затравленный и сломленный в оригинальной истории)?

Была ли это ненависть?

Была ли это ярость?

Асо Акия внезапно сорвался с места!

Он побежал к тем местам, куда поклялся за две жизни никогда не ступать: к притонам мелких головорезов и хулиганов.

С языком, все еще неуклюжим в ядовитом сарказме, он заработал ровно ту самую баталию, за которой пришел.

Прекрасному лицу уделили особое внимание. Кулаки повергли его ниц. Его схватили за воротник; еще одна пощечина открытой ладонью звонко ударила по щеке. Наконец черноволосый мальчик свернулся калачиком на земле, защищая голову руками, в то время как воняющий алкоголем пьяница наносил удар ботинком за ударом ему в живот.

Он продолжал повторять про себя: Оно того стоит. Те, кто родился без таланта, должны быть жестоки к самим себе.

Но было так больно...

Заболело так сильно, что защипало в носу, и слезы грозили хлынуть наружу.

Почему он не переселился в великий клан магов?

Почему он родился без врожденной техники?

Где золотой палец? Где система?

Если даже такого уровня внешней травмы было недостаточно, неужели ему пришлось бы шагать прямо в проклятое место и отдавать себя на съедение челюстям проклятого духа?

Оно того стоило... Неужели это действительно того стоило...

Было так больно...

Сыпавшие на него удары головорезы издевались:

— Чего это ты бормочешь, сопляк?

— Старик... — Асо Акия едва мог открыть опухшие глаза. Кровь капала с разбитой губы. Его голос поднялся от шепота до хриплого, утробного рева. — Бей сильнее! Ты что, пропустил ужин или вроде того? Этого чертовски мало!!!

С того дня, как он прибыл в этот мир, он принял новое имя, новую жизнь, все, кроме того, чтобы быть бессильной обезьяной.

Он бы пополз, если бы пришлось, но он бы вполз в мир трансцендентной силы!

Это место было горой трупов и морем крови, ослепительным сверх всякой меры, как оно могло обойтись без него!

В переулке, возле горы переполненных мусорных баков, Асо Акия лежал в полусознательном состоянии, бинты пропитались кровью, черные волосы были испачканы и сбились от грязи и пыли. Он выглядел как труп, выброшенный в тени квартала красных фонарей.

Было удачей, что его лицо так опухло и покрылось синяками; иначе потеря сознания здесь удвоила бы опасность.

Спустя долгое время его пальцы дернулись.

Его разбитая щека заскребла по грубой земле.

Черноволосый мальчик заставил открыть глаза, которые стали мертвыми и тусклыми.

Сеточки лопнувших сосудов покрыли белки паутиной.

Теперь он был один в тусклом переулке. Кошелек пропал — неважно; все ценное он оставил в камере хранения. Кошелек был приманкой, чтобы удовлетворить грабителей.

Нет, кое-что на нем все же осталось...

Самый отвратительный, тошнотворный проклятый дух прижался к нему в упор, его отвратительные глаза были полны злобы.

Он зашипел.

[Школа, школа, школа...]

Проклятие четвертого ранга, рожденное из накопившегося негатива школьной жизни — то самое, что цеплялось за него все эти последние месяцы!

Это была не какая-то мухоголовка!

Рука Асо Акии взметнулась вперед и вцепилась в дух — он мог прикоснуться к нему!

Багровая проклятая энергия вспыхнула под диким резонансом его воодушевленного разума, сияя, как маяк в темноте, обвивая его ладонь.

Он близко знал природу проклятой энергии: слияние ментальной силы и негативных эмоций, поднимающееся со дна желудка. Она могла быть водой, огнем, светом; текучей или мгновенной; полностью зависящей от понимания и контроля мага.

Рёмэн Сукуна, вечно снисходительный учитель, однажды продемонстрировал это на собственном теле.

Для Асо Акии проклятая энергия была пламенем.

Впервые мозг и душа идеально синхронизировались. Он выжал проклятую энергию из резервуара негатива, который взращивал месяцами, инстинктивно визуализировал новорожденную силу как бушующий огонь, без колебаний поджег свои душу и тело и вонзил это пламя прямо в туловище духа четвертого ранга!

Пурпурная проклятая кровь брызнула наружу, вымазав его с головы до ног.

Он уперся рукой о землю и заставил себя присесть на корточки, а затем встал.

— Я пойду в школу, — сказал он голосом, холодным как зимнее железо. — А теперь изволь исчезнуть.

Наконец-то мир явил другое лицо глазам попутанца.

Синдзюку, Токио, в предрассветные часы, парад демонов, танцующих во тьме.

Проклятия повсюду, бесконечные и кишасшие.

<http://bllate.org/book/19436/1951436>